

Калужская провинція во второй четверти XVIII-го вѣка.

I. Помѣщики.

Въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго обширныя земельныя владѣнія, нѣкогда составлявшія „волости“ удѣльныхъ княжествъ: Тарусскаго, Воротынскаго, Одоевскаго, Козельскаго, Мезецкаго (Мещовскаго), Мосальскаго и Оболенскаго, взяты были за государя у ихъ законныхъ собственниковъ „княжатъ“ — потомковъ удѣльныхъ князей, и причислены къ составу земель „опричины“. На родовыхъ вотчинахъ *княжатъ* Иванъ Васильевичъ Грозный и его ближайшіе преемники „испомѣтили“ новокрещенныхъ татарскихъ мурзъ, принявшихъ московское подданство ливонскихъ плѣнниковъ, поступившихъ на государеву службу иноземцевъ и разныхъ городовъ новиковъ.

Въ годы Смутаго времени этотъ неуспѣвшій еще пустить глубокіе корни въ край помѣщичій классъ былъ безъ остатка сметенъ съ лица земли, и въ царствованіе Михаила Федоровича началось испомѣщеніе на за-оцкихъ (за-окскихъ) „пустовыхъ“ и „порожныхъ“ земляхъ новыхъ помѣщиковъ и новыхъ вотчинниковъ.

Тогда именно осѣли здѣсь Ртищевы, Соковнины, Хитрово, Лопухины, Нарышкины, Милославскіе, Чичерины и другіе старыя дворянскіе роды. Въ перемежку съ ними водворены были иноземцы, принявшіе православіе: офицеры солдатскихъ, рейтарскихъ и драгунскихъ полковъ—Десли, Гамльтоны, передѣланные сперва въ Гамолтовыхъ, а затѣмъ въ Хомутовыхъ, и другіе.

Въ первой половинѣ XVIII-го вѣка получили здѣсь обширныя владѣнія: Анна Монсъ (въ 1703 году ей было пожаловано въ Козель-

скомъ уѣздѣ, въ послѣдствіи отобранное, село Дудино съ 295 дворами), Балкъ, графъ Брюсъ, Головкинъ, Бестужевы-Рюмины, Шепелевы, Чернышевы, Нарышкины, Шуваловы и многіе другіе „случайные“ люди— фавориты и фаворитки Петра Перваго и его ближайшихъ преемниковъ.

Къ пятидесятымъ годамъ XVIII-го вѣка всѣ „порожнія“ и „пустовыя“ земли Калужской провинціи уже были испомѣщены. Здѣсь сидѣлъ многочисленный и весьма пестрый по происхожденію и по достатку дворянскій классъ.

Проживавшіе въ столицахъ и за-границей русскіе вельможи рѣдко и неохотно заглядывали въ свои обширныя Калужскія вотчины, и управляли ими черезъ довѣренныхъ лицъ и приказчиковъ. Зато неудержимо стремились въ свои родныя гнѣзда помѣщики средняго достатка и многочисленная мелкопомѣстная шляхта. Всякими правдами и неправдами, избывая ненавистную военную службу и сокращая годы обязательной выслуги ссылками на увѣчія и нездоровіе, ѣхали они въ свои деревни и села и верхомъ благополучія считали, когда удавалось имъ, получить чистую отставку, водвориться, наконецъ, на покой въ своей усадьбѣ или въ своемъ родовомъ дворѣ. Они благоденствуютъ въ провинціальной глуши, хлопотливо ведутъ свое несложное хозяйство, тѣшатъ себя охотой, пирушками, поѣздками по окрестнымъ помѣщикамъ. Зачастую мирный досугъ прерывается ссорой съ непокойнымъ завистливымъ сосѣдомъ.

Иногда заскучавшій помѣщикъ, какой-нибудь отставной капраль или каптенармусъ „безмѣрною наглостью своею“ учинялъ то или другое „озорничество“; потерпѣвшіе ѣхали въ уѣздную воеводскую канцелярію, подавали на обидчика челобитную. За челобитіемъ слѣдовалъ сыскъ. Обычно обидчикъ, „избывая наказанія“, запирался въ своемъ озорничествѣ, дѣло затягивалось, начиналась столь характерная для XVIII вѣка длительная „волокита“. По нѣскольку лѣтъ тянулось разбирательство дѣла; виновный укрывалъ причастныхъ къ нему свидѣтелей, стараясь „изубытчить“ своего противника расходами на судебныя пошлины. Окончательному разбирательству предшествовали неоднократныя „отсрочныя“ записи— „полюбовныя сказки“ тяжущихся лицъ.

Отсутствіе въ XVIII вѣкѣ точно установленныхъ межевыхъ границъ открывало безконечный просторъ для всякаго рода земельныхъ споровъ и тяжбъ. Инструментальнаго размежеванія въ то время еще не было учинено; межи опредѣлялись естественными или искусствен-

ными признаками: нерѣдко по разливу воды, полету птицъ, „коровьему рыку“ или „куда соха, коса и топоръ ходили“. При наличіи столь неопредѣленныхъ межевыхъ признаковъ, конечно, возникали между владѣльцами споры, порождались нескончаемыя судбища. Очень часто споры заканчивались дракою между крестьянами смежныхъ помѣщиковъ; дерущіеся увѣчили другъ друга; произведенная потасовка вливала новыя жалобы въ тяжebное дѣло. Сплошь и рядомъ такое-же спорное дѣло возникало между помѣщикомъ и сосѣднимъ монастыремъ. Монастыри въ то время владѣли большими площадями земли.

Иногда мирное теченіе жизни нарушалось разбойнымъ нападеніемъ на усадьбу воровскихъ людей.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка всю южную часть Калужской провинціи занимали обширныя, дремучіе лѣса. И сейчасъ въ этомъ топкомъ болотистомъ краѣ есть уголки, гдѣ, образно выражаясь, нога человѣческая не ступала, а въ XVIII вѣкѣ онъ сплошь представлялъ изъ себя дикую первобытную страну, гдѣ вѣковые дубравы и дремучіе боры являлись вѣрнымъ притономъ разнымъ бѣглецамъ, „невѣдомымъ“ и темнымъ людямъ. Это были, воспѣтые въ пѣсняхъ и былинахъ, знаменитые *брынскіе* лѣса. Они не только давали надежную защиту отъ глазъ властей, но и служили также торною дорогой къ Польскому рубежу: черезъ нихъ пролегалъ безопасный путь къ Подольской границѣ — излюбленному мѣсту, обѣтованной землѣ для бѣглыхъ холопей и бѣглыхъ крестьянскихъ женокъ. Разсылныя воинскія команды, нарочито назначенныя для розыска и поимки всякихъ бродягъ, воровъ и разбойниковъ, рѣдко заглядывали въ эти лѣса. Въ ихъ темномъ дикомъ привольѣ безопасно собирались добрые молодцы — буйныя головушки, собирались челоуѣкъ по пятидесяти — по сту, а когда и больше. Выбравъ атамана, наѣзжали они оттуда на украинныя мѣста „разбивать“ и грабить помѣщичьи усадьбы. Мучительски, „смертнымъ боемъ“, били помѣщиковъ, вымѣщая на нихъ накопившуюся долгую злобу за претерпѣнныя обиды, за свое безправное положеніе; пытали и жгли ихъ огнемъ, допытываясь, гдѣ схоронена богатая казна ихъ. Когда не было на лицо помѣщиковъ, платились за нихъ своею шкурою ихъ приказчики и старосты.

Такія-то вотъ дѣла творились двѣсти лѣтъ тому назадъ въ нынѣшней Калужской губерніи. Такія дѣла длинной вереницей встаютъ передъ нами при разборѣ старыхъ, на половину уцѣлѣвшихъ архивовъ воеводскихъ канцелярій бывшей Калужской провинціи,

II. Побѣгъ недоросля.

Строгъ и крутенекъ былъ царь Петръ Алексѣевичъ, на судъ-расправу куда какъ скоръ, но въ глазахъ его современниковъ было то еще полбѣды, самая бѣда была въ томъ, что ужъ очень царь податливъ былъ на иноземные порядки, на всякія хитрыя ихъ выдумки.

И встарь російское шляхетство службу военную правило, въ походы ходило, землю русскую отъ бусурманъ и иныхъ супостатовъ оберегало, — указывали, ворчавшіе на эти новшества, старики дворяне: служило оно государямъ вѣрою и правдою, и жаловали цари Московскіе дворянъ за ту ихъ службу помѣстьями и вотчинами, казной денежной; жаловали и честили высокими чинами дворцовой службы. Но не было въ тѣ поры доуки такой, чтобы напередъ ратной службы дворянскихъ дѣтей съизмалства въ *обязательную* науку опредѣляли, четырехкратно на экзамены вытребовали. Зачалось то съ царя Петра Алексѣевича. Не лучше стало и при преемникахъ его.

Съ семи лѣтъ начинали учить дите. На тотъ случай даже порядокъ особый повелся, а скоро и въ обычай сталъ онъ. Начинали учить мальчика на двѣнадцатомъ мѣсяцѣ, въ Декабрѣ, на первое число его, въ день памяти Наума-Грамотника, а держались порядка такого затѣмъ, что старые люди указывали, что святой тотъ *на умъ* ребячь наводитъ. Учителемъ обычно были: либо дьяконъ, либо дьячекъ — поповскій иль дьяконскій сынъ. Напередъ рядились съ нимъ, сколько возьметъ онъ за ученіе, добро торговались: безъ ряду на Руси ни одно дѣло не могло статься.

Какъ подобаетъ во всякомъ добромъ начинаніи, передъ началомъ ученія шли въ церковь Божию помолиться; молились передъ иконой, что наипаче въ приходѣ почитается; служили молебень, испрашивая благословеніе на отрока.

Въ указанный часъ приходилъ учитель. Ласковымъ словомъ, съ честью встрѣчали его родители мальчика, съ поклонами подъ образа въ передній уголъ сажали. Отецъ, взявъ за руку сына, съ рукъ на руки передавалъ его учителю, прося наставлять отрока уму-разуму, а лѣность „безъ увѣчья добре наказывать плеткою“. Ученикъ учителю сотворялъ три земныхъ поклона, а учитель осторожененько троекратно стегалъ его по спинѣ плеткою. Мать, худой молвы остерегаючись, должна

была, стоя у дверей, „во весь голосъ голосить“, „жалиться“ и плакать по сынѣ. На послѣдѣ того усаживала она сына за столъ, вручала ему узорчатую указку и, усугубивъ свой плачь (добрая мать не должна была глотки и слезъ для сына жалѣть), усердно молила учителя, чтобы онъ не очень мучилъ ея дитя.

„Азъ-земля-еръ-азъ“ —возглашалъ учитель, и ученикъ, указкою по букварю вода, долженъ былъ повторять мудренныя названія литеры аза.

На первый урокъ дальше аза не шли; крѣпко держались старыхъ мудрыхъ пословицъ: „тише ѣдешь—дальше будешь“, „поспѣшишь—людей насмѣшишь“.

Послѣ урока устраивали учителю угощеніе, потчивали всякой снѣдью и питьемъ и одаривали его подарками: отецъ—платьемъ и хлѣбомъ, мать—своеручно изготовленнымъ полотенцемъ. До воротъ провожали учителя. Наутро ученикъ съ азбукой самъ шелъ къ нему, а слѣдомъ за нимъ несли материнскій гостинецъ учителю—живность мелкую; предпочтительно, птицу домашнюю.

Семи лѣтъ недоросля (такъ звали встарину дворянина недостигшаго служебнаго совершеннолѣтія) ставили на первый смотръ начальству и его заносили въ служилые списки. Двѣнадцати лѣтъ ставили на второй смотръ, и на томъ смотру начальство пытало его, сколь онъ въ грамотѣ и письмѣ силенъ. На семнадцатомъ году долженъ былъ объявиться недоросль на третій смотръ, либо въ Санктъ-Петербургъ, либо въ Москву, при Сенатѣ или Сенатской Конторѣ. На томъ смотру испытывали его, сколь онъ гораздъ по ариѳметикѣ и геометріи. Когда недоросль „добрыхъ“ отвѣтовъ не давалъ, опредѣляли его безъ выслуги въ матросы; а тѣхъ, кто оказывались достаточно подготовленными, зачисляли въ Сухопутный Кадетскій корпусъ или въ Артиллерійскую школу.

На послѣдній смотръ ставился недоросль двадцати лѣтъ. Послѣ того перечисляли его въ *новики* и онъ начиналъ свою службу, сперва рядовымъ гвардіи, а за тѣмъ по выслугѣ, переводили его въ офицерскомъ чинѣ въ армію.

Таковъ былъ порядокъ въ то доброе старое время, къ которому относится описанный ниже побѣгъ недоросля Серпейскаго уѣзда Самойлы Чебышева.

Іюля 13 дня 1750 года поступилъ въ Серпейскую воеводскую канцелярію указъ изъ Московской Адмиралтейской Конторы, а въ томъ указѣ было показано:

„Прошлаго 1749 года Декабря 20 дня присланъ былъ въ Московскую Адмиралтейскую Контору, явившійся въ Герольдмейстерской Конторѣ, недоросль Самойла Чебышевъ. Тотъ недоросль въ герольдіи сказкою показалъ: отъ роду ему 17 лѣтъ; грамотѣ и письму онъ обученъ; родомъ изъ дворянъ (сынъ неслужащаго за болѣзнию отца); крестьянъ за нимъ въ Серпейскомъ уѣздѣ 37 душъ; на смотрахъ онъ, Чебышевъ, не бывалъ, а при нынѣшней ревизіи явился въ 1749 году въ Серпейскомъ уѣздѣ, токмо въ той ревизіи съ нимъ ничего не учинено и письменнаго вида ему не дано. По силѣ именного Ея Императорскаго Величества указа 1742 года Декабря 11 дня, опредѣлено было написать *ею вѣчно въ матрицы*, и для того присланъ онъ былъ въ Московскую Адмиралтейскую Контору, откуда при случившейся оказіи надлежало послать его въ Санктъ-Петербургъ въ Государственную Адмиралтейскую Коллегію. Въ ожиданіи оказіи Контора постановила, доколѣ ему, Чебышеву, посылки въ Санктъ-Петербургъ не будетъ, отдать его на росписку Санктъ-Петербургскаго пѣхотнаго полка сержанту Поликарпу Загарину съ обязательствомъ, что-бы ему, Чебышеву, за тою роспискою являться въ Адмиралтейской Конторѣ по вся дни и безъ вѣдома оной Конторы съ Москвы не отлучаться. Но оный недоросль Чебышевъ не токмо не явился въ оную Контору, но и по многимъ посылкамъ не сысканъ.

„Того ради запросила о немъ Контора сержанта Загарина, токмо онаго въ Москвѣ не оказалось: отправился онъ съ полкомъ въ походъ, и тотъ полкъ нынѣ въ Твери обрѣтается. Послана была въ полковую канцелярію промеморія, которой затребовано взять у Загарина извѣстіе, гдѣ реченный недоросль обрѣтается и чего ради при отбытіи изъ Москвы не объявилъ въ Адмиралтейской Конторѣ того извѣстія и понынѣ не присылаетъ. Въ силу присланнаго изъ Государственной Адмиралтейской Колегіи указу велѣно было недоросля Чебышева разыскивать на роспищикѣ сержантѣ Загаринѣ, но за отбытіемъ его Загарина изъ Москвы, какъ выше показано, разыскивать не на комъ.

„За всѣмъ тѣмъ опредѣлила Московская Адмиралтейская Контора послать указъ въ Серпейскъ въ воеводскую канцелярію, въ которомъ написать, дабы помянутый сбѣжавшій недоросль Чебышевъ сысканъ былъ и, какъ сысканъ будетъ, то прислали-бы его въ Москву въ

Контору немедленно на его коштѣ; а буде онъ тамъ не найдется, то, гдѣ онъ имѣеть деревни, послать туда и, взявъ его людей и крестьянъ, держать ихъ подѣ карауломъ, доколѣ тотъ недоросль бѣглый не явится“.

Приказывая учинить все изложенное, Контора предписывала о полученіи ея распоряженія и исполненіи его „репортовать въ указанный срокъ неотложно“.

Помѣтою серпейскаго воеводы Якова Мансурова опредѣлено было немедленно послать съ инструкціей кого надлежитъ за Чебышевымъ, а если-бы онъ отъ посланных укрылся, взять надлежащее число его людей и крестьянъ для содержанія ихъ подѣ карауломъ, пока онъ не явится, и потомъ привести въ воеводскую канцелярію и объявить при доношеніи. За недорослемъ Чебышевымъ командированъ былъ „разсылщикъ“ Антонъ Хохловъ.

Имѣніе Чебышевыхъ находилось въ Мощинскомъ станѣ; родовой ихъ вотчиной было сельцо Аристово. Недоросля Самойлы Чебышева въ сельцѣ Аристовѣ не оказалось. Дать сказку о немъ пріѣхалъ отецъ его Андреянъ Патрикеевъ Чебышевъ. Допрошенный 26 Іюля того-же 1750 года въ серпейской канцеляріи, Андреянъ Чебышевъ показалъ:— „Сынъ мой Самойла въ прошломъ 1749 году генварѣ мѣсяцѣ, а въ которомъ числѣ не упомяну, явился собою въ Москвѣ въ Герольдмейстерской Конторѣ, а нынѣ гдѣ оный сынъ мой Самойла Чебышевъ обрѣтается, о томъ я Андреянъ Чебышевъ не извѣстенъ. Крестьянъ за нимъ, сыномъ моимъ, въ Серпейскомъ уѣздѣ не имѣется, а имѣются за мною, его отцомъ, въ этомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Аристовѣ, крестьяне, и не 37, а только 30 душъ.

Показаніе свое Андреянъ Чебышевъ изложилъ и „на письмѣ“, добавивъ, что въ сказкѣ своей показалъ онъ сущую правду. Показаніе его не дало ничего новаго для выясненія мѣстопробыванія бѣглеца. Объявился онъ въ канцелярію только затѣмъ, что-бы въ своей сказкѣ подчеркнуть, что за сыномъ его крестьянъ не имѣется, и такъ какъ онъ за сына не отвѣтчикъ, то и брать его людей и крестьянъ подѣ караулъ не пристало.

Серпейская канцелярія о всемъ изложенномъ донесла Конторѣ. Удалось-ли сыскать бѣглеца, изъ дѣлъ Серпейской канцеляріи не видно. Въ сельцо Аристово, можетъ быть, какія либо вѣсти о немъ и доходили, но тамъ предпочитали о томъ помалкивать: и въ арміи то тяжела

служба солдатская, а въ матросахъ, да еще притомъ вѣчно, и совсѣмъ не было радости служить.

III. Насильникъ.

Благодарная офицерамъ и солдатамъ за возведеніе ея на престолъ, Императрица Елизавета Петровна, особенно въ первые годы своего царствованія, смотрѣла очень снисходительно на поведеніе военныхъ чиновъ. Случаи грубыхъ, а подчасъ и кровавыхъ насилій надъ обывателями настолько участились, что прусскій посланникъ Мардфельдъ счелъ нужнымъ освѣдомить о семъ своего короля. Особенно своевольничали лейбъ-компанейцы.

— „Они отказываются покинуть дворецъ, гдѣ у нихъ прекрасное помѣщеніе,— пишетъ Мардфельдъ своему вѣнценосному корреспонденту,— и прогуливаются въ галлерей, гдѣ Ея Величество собираетъ Дворъ; смѣшиваются съ высокопоставленными особами и понтируютъ въ фараонъ на томъ-же столѣ, за которымъ сидитъ Императрица. Ея расположеніе къ нимъ идетъ такъ далеко, что она уже подписала указъ, предписывающій чеканить на оборотной сторонѣ рубля фигуру гренадера. Я узналъ недавно, что одинъ гренадеръ хотѣлъ купить глиняный горшокъ за три копѣйки, а когда продавецъ отказался продать дешевле шести копѣекъ, онъ взялъ ружье и убилъ его наповаль“.

На отказъ великаго канцлера князя Черкаскаго удовлетворить ихъ требованіе, солдаты, когда имъ указали на его высокій санъ, не задумываясь отвѣтили угрозою:

— „Онъ важный баринъ, пока намъ заблагоразсудится!“

Въ Апрѣлѣ 1743-го года солдаты напали на своихъ офицеровъ изъ нѣмцевъ, игравшихъ въ трактирѣ на билльярдѣ.

— „Сволочи, собаки,— кричали они,— у насъ указъ убить васъ всѣхъ!“

Для поддерживанія дисциплины виновныхъ въ этомъ нападеніи присудили къ колесованію, но Императрица заступилась за солдатъ и казнь замѣнили простымъ перемѣщеніемъ гарнизона.

Конечно, указанные случаи были изъ ряда вонъ выходящими. Какъ ни какъ присутствіе Императрицы, а еще болѣе дисциплина и надзоръ начальства, въ значительной мѣрѣ сдерживали солдатъ гвардей-

скихъ полковъ отъ буйствъ и насилій въ столицѣ, но зато въ провинціи, гдѣ они, во время отпуска предоставленные самимъ себѣ, проживали обыкновенно въ своихъ родовыхъ вотчинахъ, они уже не стѣснялись вести себя съ обывателями такъ, какъ имъ заблагоразсудится. Уѣздные воеводы, связанные съ ними сословными интересами, соседствомъ, а часто кумовствомъ, свойствомъ или родствомъ, мирволили имъ, памятуя многіе примѣры неожиданнаго возвышенія вчерашнихъ солдатъ на самыя высшія ступени правительственной іерархіи. Если не личныя качества его самага и удача—счастливая внѣшность или во время оказанная услуга царственной особѣ, то могли его выдвинуть на эти-же ступени „случай“ близкаго родственника, наконецъ, даже фаворъ друга-собутыльника. Со всѣмъ этимъ приходилось считаться воеводамъ, когда тотъ или другой гвардейскій солдатъ, а тѣмъ паче офицеръ, выкидывалъ какое нибудь колѣнце у себя на родинѣ.

Описанный ниже случай относится къ пятидесятымъ годамъ XVIII-го вѣка. Проживала въ то время въ сельцѣ Подберезьѣ Серпейскаго уѣзда. вдова дворянка Авдотья Васильевна Сумарокова. Сынъ ея, Иванъ Васильевичъ, служилъ въ это время солдатомъ; какъ дворянинъ. отбывалъ онъ службу въ этомъ званіи въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ. Другою половиною того-же сельца Подберезья владѣлъ Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ, генералъ и обоихъ россійскихъ орденовъ кавалеръ, оберъ-гофмаршалъ двора Ея Императорскаго Величества. Въ вотчинѣ Шепелева проживала крестьянка, его крѣпостная, Алена, по отцу Еремеева, а по мужу Власова. Была-ли та Алена дѣйствительно лицомъ пригожа, станомъ статна, иль чѣмъ другимъ притянулась барину Сумарокову, о томъ не вѣдомо, да и нужды доискиваться въ этомъ нѣтъ: еще издавна старые люди пословицу вѣрную сложили: „не по хорошему миль, а по милу хорошъ“.

Въ 1750-мъ году въ Октябрѣ пріѣхалъ молодой Сумароковъ на побывку къ себѣ домой. Пріѣхалъ на самый канунъ праздника Параскевы-Пятницы.

Въ долгіе осенніе и зимніе вечера, почитай, что до самыхъ Колядокъ, по издавна заведенному обычаю, собираются молодухи, дѣвки и парни деревенскіе другъ къ дружкѣ на посидѣлки, а въ Октябрѣ мѣсяцѣ такимъ посидѣлкамъ самый разгаръ. Поютъ бабы и дѣвки пѣсни любимыя, гуторятъ рѣчи веселыя, загадываютъ загадки мудреныя. На такихъ посидѣлкахъ молодые ребята съ дѣвками свыкаются, добрый молодець суженую себѣ высматриваетъ, красавица молодуха сердце своего полюбовника привораживаетъ.

Увидалъ Сумароковъ Алену на посидѣлкахъ. Приворожила къ себѣ его Алена, приворожить приворожила, но на грѣхъ съ нимъ, въ любовницы къ нему не пошла. Озлобился Иванъ Васильевичъ.— Не хочешь по доброй волѣ на постель ко мнѣ притти—рѣшилъ онъ—силкомъ возьму тебя.

И учинилъ онъ тогда большое, зазорное дѣло.

20-го Октября 1750 года объявились въ Серпейской воеводской канцеляріи трое крестьянъ Шепелева: два мужика и баба. Старшой изъ мужиковъ заявилъ:

— Состою я въ вотчинѣ господина моего, генерала Дмитрія Андреевича Шепелева, въ сельцѣ Подберезьѣ, старостою, а зовутъ меня Козьма Васильевъ. Приводные (приведенные) мною люди такожь крестьяне господина моего изъ того-жь сельца Подберезья: мужикъ—Абрамъ Власовъ, а баба, Алена,—жена, Абрамова брата, Степана Власова. Пришелъ я бить челомъ на помѣщика сельца Подберезья Ивана Васильевича Сумарокова и на крестьянъ его Василю Козьмина, Клима Васильева, Евсея Никитина и Карпа Трофимова въ учиненіи неслыханной и нестерпимой обиды.

Указавъ на свою неграмотность, просилъ староста писца канцеляріи, Якова Петрова написать отъ его имени „по формѣ“ челобитную, и въ челобитной показалъ:

„Сего 1750 года Октября съ 15-го на 16-е число означенный Сумароковъ, собрався съ людьми своими, незнаемо съ какого умысла пришелъ въ ночи яко разбойнически въ домъ къ крестьянину господина моего Аврааму Власову и билъ дубьемъ его, Авраама, да брата его родного, да Степанову жену Елену, Еремееву дочь, и всѣхъ домовыхъ (домашнихъ) онаго крестьянина; бивъ же, разогнали, а потомъ оныхъ крестьянина Авраама Власова и крестьянскую жену Елену Еремееву онъ, Сумароковъ, съ показанными людьми своими заволокли силою въ томъ же сельцѣ Подберезьѣ въ домъ свой помѣщиковъ. Крестьянина господина моего, Авраама Власова, въ томъ домѣ своемъ паки билъ мучительно ботожемъ и, бивъ (избивъ) его, приказалъ людямъ своимъ со двора своего въ той же ночи свести и бросить на улицѣ, почему вышеспредъявленные дворовые люди, взявъ его Авраама и, свевъ (сведя) со двора помѣщикова, бросили на улицѣ замертво, и оный крестьянинъ господина моего отъ того его мученія и надругательства едва возмогъ

опаматоваться и съ улицы до дому своего дойти. Вышеупоминаемую женку Елену Еремееву въ той же ночи онъ, Сумароковъ, взявъ къ себѣ сильно (насилно) на постель, чинилъ блудное ей насиліе многократно и по учиненіи того беззаконнаго блуднаго насилія, изъ дому своего отпустилъ по прошествіи той ночи и въ день (днемъ), то есть Октября 16 дня. Оныхъ крестьянина и крестьянку нынѣ привезъ я передъ Серпейскую канцелярію и объявляю при семъ челобитьѣ: крестьянина къ осмотру на немъ боя (побоевъ), а женку въ насильномъ ей отъ означеннаго Сумарокова беззаконномъ блудѣ къ допросу.

И неудовольствуясь означенною наглою и беззаконною обидою, показанный помѣщикъ Сумароковъ еще похвалялся, какъ меня, такъ и крестьянъ господина моего показаннаго сельца Подберезья и деревни Левиной, гдѣ ни поймать, или пришедъ также въ ночи и въ домъ, бить и стрѣлять изъ ружей и колоть шпагою до смерти, отчего крестьяне господина моего, видя отъ него, Сумарокова, такое мучительство, имѣя страхъ, домовъ своихъ лишились. И дабы высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое челобитье въ Серпейской воеводской канцеляріи принять и записать въ книгу, а на привозномъ крестьянинѣ бои и раны осмотръ и описать, а женку въ насиліи блудномъ допросить обстоятельно и за вышеупоминаемымъ помѣщикомъ Сумароковымъ и за предъявленными людьми его Васильемъ Козьминимъ съ товарищи изъ Серпейской воеводской канцеляріи послать по инструкціи кого надлежитъ и, сыскавъ, противъ сего моего челобитья въ боѣ крестьянина и въ насиліи блудномъ женкѣ и въ похвальныхъ словахъ, изслѣдовавъ, допросить, а по допросу учинить съ нимъ, какъ о таковыхъ надругательствахъ и насильникахъ Вашего Императорскаго Величества права и указъ повелѣваютъ“.

Того-жъ числа согласно помѣтъ, положенной воеводою Яковымъ Мансуровымъ, на приводномъ (приведенномъ) крестьянинѣ Абрамѣ Власовѣ его „бой“ и раны въ Серпейской канцеляріи были осмотръны, при чемъ обнаружены были слѣдующія поврежденія: „подлѣ плечь синево и багровый знакъ, по спинѣ и по бокамъ, и по сѣдалищу, и по ногамъ бито плетми и батожемъ, и оттого раны, зная, и кровь запеклась“.

Въ качествѣ свидѣтелей присутствовали при осмотрѣ и „опись“ завѣрили Серпейской канцеляріи вахмистръ Алексѣй Морозовъ и солдатъ Егоръ Ивановъ.

Допрошенная того-же числа крестьянская женка Елена Власова показала:

— „Отъ роду мнѣ 25-ть лѣтъ. Крестьянка я Серпейскаго уѣзду Мощинскаго стану вотчины генерала Дмитрія Андреевича Шепелева—сельца Подберезья. Сего Октября съ 15-го на 16-е число помѣщикъ Иванъ Васильевичъ Сумароковъ, что въ деревнѣ Подберезьѣ въ дому матери своей, вдовы Авдотьи Васильевны, изъ полку прибывъ 13-го Октября, сейчасъ проживаетъ, собрався съ людьми своими, незнамо съ какого умыслу, пришелъ въ ночи въ домъ деверя моего Абрама Власова и билъ его, и меня, и всѣхъ домовыхъ (домашнихъ) дубьемъ. А опосля того изъ дому ихъ разогнали, а деверя моего и меня самою взяли въ домъ его матери, вдовы Авдотьи Васильевны. И тамъ Абрама тотъ самый Сумароковъ билъ батожемъ и, не довольствуясь тѣмъ, билъ его мучительски плетями, а напоследокъ приказалъ людямъ своимъ взять Абрама, свести со двора и бросить на улицѣ. И какъ бросили деверя на улицѣ одного-одинешенька замертво, насилу онъ отъ мученія того и надругательства возмогъ опаматоваться и съ улицы до дому своего дойти. А меня онъ самый Сумароковъ въ той ночи, у себя оставивъ, взялъ къ себѣ силою на постель и чинилъ блудное мнѣ насиліе многократно. А по учиненіи того блуднаго беззаконнаго насилія, по прошествіи ночи, днемъ, отпустилъ меня, наказавъ никому не сказывать про то его блудное насиліе. И при томъ угроживалъ (угрожалъ) мнѣ: „ежели де ты, Алена, про то насиліе кому скажешь, гдѣ улуча тебя я застрѣлю, али до смерти убью инымъ чѣмъ“.

Завѣрjala Алена воеводу и господъ приказныхъ, что напередъ того случая она съ нимъ, Сумароковымъ, ко блудному дѣлу никакого нигдѣ согласія не имѣла и что де въ семъ допросѣ сказала она самую сущую правду, ничего не утая.

По указу Серпейской канцеляріи велѣно было „пищику“ (писцу) Якову Петрову съ разсыльщиками ѣхать въ сельцо Подберезье и, взявъ тамъ Сумарокова, а также указанныхъ старостою его людей, доставить ихъ въ канцелярію къ допросу.

„Ѣхать вамъ въ Серпейскій уѣздъ—указывалось ему въ инструкціи—въ вотчину помѣщика Ивана Васильевича Сумарокова въ сельцо Подберезье, а не доѣзжая того сельца, взять соцкихъ, пятидесятскихъ, десятскихъ и тутошнихъ стороннихъ людей, сколько человекъ принад-

лежить (надлежитъ), и въ томъ сельцѣ Подберезьѣ взять означеннаго помѣщика Ивана Сумарокова и людей его Василія Козьмина, Клима Васильева, Евсевія Никитина, Карпа Трофимова...., а, взявъ, привести въ Серпейскую воеводскую канцелярію и объявить при доношеніи немедленно“.

Инструкція была написана 24-го Октября 1750 года, но въ командировку Яковъ Петровъ отправился только въ Ноябрь мѣсяцѣ, и повидимому, въ концѣ его, такъ какъ доношеніе о результатахъ его поѣздки значится поступившимъ въ Серпейскую воеводскую канцелярію въ Декабрѣ 1750-го года.

Доносилъ Петровъ, что, согласно инструкціи, онъ, взявъ съ собою стороннихъ людей, а именно Свято-Троицкой Сергіевой лавры „приселка“ Гнѣздилова сотскаго Якова Григорьева, да Ея Императорскаго Величества вотчины сельца Сычева сотскаго Арефія Михайлова, въ сельцо Подберезье ѣздилъ, но „оного помѣщика Сумарокова за укрывательствомъ его“ не взялъ, людей-же указанныхъ въ инструкціи не смогъ забрать съ собою затѣмъ, что мать Сумарокова „вдова Авдотья Васильева дочь, взять ихъ не дала и сказала, что тѣ люди не сына моего, но ея приданье (приданос)“. Мало того, своенравная вдова, повидимому, очень нелюбезно приняла посланнаго, такъ какъ тотъ съ немалою досадою добавляетъ: „велѣла она мнѣ нижеименованному отъ двора ѣхать съ честью“.

На доношеніи писца Якова Петрова воевода Яковъ Мансуровъ положилъ резолюцію: „Въ книгу отдать, въ повытѣ сообщить (пріобщить) къ отпуску, а за вышеобъявленнымъ Сумароковымъ и за людьми его послать вторично. Съ отпуску, по инструкціи печатныя пошлины прінявъ, по указу записать въ приходъ“.

Резолюція воеводы является заключительнымъ документомъ по „дѣлу по прошенію г. Шепелева старосты Васильева о битіи г. Сумароковымъ крестьянина Власова и о изнасилованіи женки“. Было-ли предпринято воеводской канцеляріей что либо въ дальнѣйшемъ или, послѣ приличной „смазки“, дѣло на вѣки вѣчныя застряло „подъ сукномъ“ не извѣстно. Во всякомъ случаѣ, отъѣздъ въ полкъ Сумарокова могъ въ глазахъ воеводы послужить достаточнымъ поводомъ для прекращенія дѣла.

IV. Безпокойный сосѣдъ.

Безъ малаго лѣтъ двѣсти тому назадъ проживали бокъ объ бокъ въ Мещовскомъ уѣздѣ, въ Сухиничскомъ стану, въ своихъ стародавнихъ родовыхъ вотчинахъ помѣщики Лабоденскій и Ергольскій. По книгамъ Вотчинной Коллеги во дни „блаженные и вѣчной славы достойныя памяти государыни и императрицы Анны Иоановны“ значились владѣльцами тѣхъ имѣній каптенармусъ Артамонъ Елизарьевичъ Лабоденскій и отставной прапорщикъ Григорій Лукичъ Ергольскій.

Артамонъ Елизарьевичъ по своему времени былъ человѣкъ съ большими достатками. Помимо земли въ селѣ Которцѣ, гдѣ онъ сосѣдиль съ помѣщикомъ Ергольскимъ, принадлежали ему въ томъ-же Мещовскомъ уѣздѣ села и деревни: Печки, Катовичи и Бѣляково. Земли при тѣхъ вотчинахъ было вдоволь, пашни и сѣнныхъ покосовъ, а при нихъ всякихъ угодій, съ избыткомъ. Ни въ чемъ нужды онъ не вѣдалъ, на имѣніе сосѣдское зариться ему не приходилось. Повидимому, не былъ онъ ни корыстнымъ человѣкомъ, ни сутягою, и возникшая у него съ Ергольскимъ ссора, а затѣмъ долготнее тяжebное дѣло объясняется исключительно его самодурствомъ, буйнымъ, удержу не вѣдающимъ нравомъ.

Произошла ссора изъ-за пашенной земли при селѣ Которцѣ. Началось съ побранки, а тамъ оба подали челобитныя. Указывалъ Ергольскій, что спорная земля издавна крѣпостями за нимъ укрѣплена, а Артамонъ Елизарьевичъ утверждалъ, что съ покоя въку пашня та старая родовая земля Лабоденскихъ. Даны имъ были два суда, а въ 1737 году выѣзжалъ даже на спорную землю отъ Мещовской канцеляріи писецъ Иванъ Смирновъ, да только толку изъ того не вышло и судное ихъ дѣло къ концу ни на волосъ не подвинулось. Пуще прежняго злобился каптенармусъ Лабоденскій на своего' сосѣда, пуще прежняго, къ дѣлу и не къ дѣлу, чистилъ его людямъ добрымъ бранными, да поносными словами.

А тутъ, какъ на грѣхъ, довелось какъ-то Которецкому старостѣ Степану Фролову, крѣпостному Ергольскаго, ненарокомъ встрѣтиться въ полѣ съ безпокойнымъ сосѣдомъ своего барина. Ходилъ тогда Степанъ на пашню смотрѣть господскую рожь. Увидалъ его тамъ Артамонъ Елизарьевичъ, распалился жестокимъ гнѣвомъ, напалъ съ людьми своими на старосту и, избивъ его „смертнымъ боемъ“, „едва живымъ, при смерти“ безъ вниманія въ полѣ оставилъ.

Люди Ергольскаго нашли старосту, привели его въ чувство и доставили на барскій дворъ. Такой обиды не стерпѣлъ Ергольскій. Не медля велить онъ запрягать лошадей. Избитаго, невладѣющаго рукой, Степана Фролова повезли въ Мещовскъ для „объявленія“ въ воеводской канцеляріи. Тамъ „боевыя мѣста“ на немъ были осмотрѣны и „описаны“.

За этимъ „озорствомъ“ Лабоденскаго послѣдовало новое.

24-го Іюля 1740 года Ергольскій со своими крестьянами выѣзжалъ въ полѣ убирать сжатую рожь. Нажатые двѣ копны погружены были на шесть подводъ и свезены на барское гумно. Рожь, повидимому, была со спорнаго участка. Крестьяне Лабоденскаго не мѣшая поставили въ извѣстность своего барина объ увозѣ копенъ.

Въ лютое бѣшенство пришелъ буйный и, повидимому, изрядно подвыпившій въ этотъ разъ каптенармусъ. Велить онъ созвать своихъ людей, вооружаетъ ихъ кого фузеей, кого рогатиной, а кого по просту дубьемъ и кольями и съ этой ватагою своихъ челядинцевъ и крестьянъ ѣдетъ громить усадьбу сосѣда. Въ торопяхъ онъ успѣлъ собрать не болѣе двадцати человекъ, но и этого было вполне достаточно для расправы съ ненавистнымъ прапорщикомъ.

Въ Которцѣ еще издали запримѣтили вооруженную араву. Собравъ наспѣхъ дворню и крестьянъ, Ергольскій крѣпко на крѣпко заперъ ворота, разставивъ людей и приготовился къ оборонѣ усадьбы. Съ дикимъ крикомъ приступили люди Лабоденскаго ко двору Ергольскаго, пытаясь проникнуть въ ворота. Крестьянинъ Ермолай Васильевъ, зарядивъ фузею, сталъ стрѣлять во внутрь усадьбы. Самъ Лабоденскій, ругательски ругая Ергольскаго и похваляясь убить его до смерти, открылъ по немъ и по его женѣ пальбу изъ пистолета. По счастью, стрѣлокъ онъ былъ неважный, а потому всѣ заряды мимо просадили.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилась-бы эта кутерьма и этотъ необычайный приступъ, когда-бы не попала на глаза осаждающимъ гнѣдая кобыла Ергольскаго. Въ ней тотчасъ-же признали одну изъ тѣхъ лошадей, на которыхъ увезены были копны. Этой провинности оказалось вполне достаточнымъ для учиненія надъ ней жестокой и безсмысленной расправы. По приказу своего необузданнаго барина, крестьяне Лабоденскаго Кононъ и Трофимъ набросились на пасущуюся лошадь и на глазахъ ея хозяина и всей его дворни рогатинами распоролы ей брюхо.

Бѣдное животное мертвымъ свалилось на окровавленную траву. Довольный учиненнымъ подвигомъ и на время удовлетворенный этой мекью, Лабоденскій снялъ осаду непріятельскаго двора и повелъ свой побѣдоносный отрядъ домой.

Отвѣтомъ на разбойное нападеніе было новое челобитье Ергольскаго. 30-го Іюля 1740 года билъ челомъ отставной прапорщикъ на сосѣда въ томъ, что тотъ „безмѣрной наглостью своей и озорничествомъ“ съ людьми своими Ѳедотомъ Тимошеевымъ, Карпомъ Васильевымъ, да старостою Ермиломъ Васильевымъ и съ другими крестьянами Іюля 20-го дня въ полѣ на землѣ его, Ергольскаго, били его старосту Степана Фролова смертнымъ боемъ и тѣмъ боемъ изувѣчили его, а 24-го того-же Іюля Лабоденскій съ людьми и со крестьянами своими умышленно скопомъ приступали ко двору его въ селѣ Которцѣ съ огненнымъ ружьемъ, съ дубьемъ и съ кольемъ, и самъ онъ Лабоденскій, по немъ, и по женѣ, и по дочери изъ пистолета стрѣлялъ многократно, а крестьянинъ его Ермолай Васильевъ изъ фузеи палилъ. Отъ стрѣлянія того дочь его, Ергольскаго, дѣвица Марія, со страху едва жива осталась. И въ тотъ же ихъ приходъ по его, Лабоденскаго, приказу, люди его Кононъ, а чей сынъ онъ челобитчикъ не вѣдаетъ, и Трофимъ Сазоновъ рогатинами лошадь его гнѣдую кобылу, цѣною въ десять рублей, до смерти закололи. Не довольствуясь всѣмъ тѣмъ, поносилъ Лабоденскій его, Ергольскаго, всякой позорной бранью, грозилъ на смерть застрѣлить и кричалъ, что изъ Которца никуда его не выпустить. Такимъ стрѣляньемъ по немъ, „якобы по злодѣю какому“, учинилъ онъ ему, Ергольскому, великое безчестіе.

Донося о злыхъ этихъ обидахъ, просилъ челобитчикъ учинить надлежащій судъ и расправу и на будущее время оградить его отъ „наглыхъ озорничествъ“ Лабоденскаго.

Мещовская канцелярія потребовала буйнаго каптенармуса къ отвѣту. Онъ сысканъ былъ въ воеводскую канцелярію и 1-го Сентября ему вручили копію съ дѣла и „реверсъ“, обязавъ на 29 Сентября стать къ суду.

Въ назначенный день Лабоденскій явился на судъ. Ергольскаго на лицо не оказалось. Неявка истца дала возможность каптенармусу подать встрѣчную челобитную. Въ ней, обвиняя противника въ клеветѣ, отвѣтчикъ утверждалъ, что Ергольскій не явился въ судъ „знатно хотя тѣмъ своимъ поклепнымъ челобитьемъ его, Лабоденскаго, изволочить и изубытчить и привести къ разоренію напрасно“.

На самомъ дѣлѣ Ергольской не явился въ судъ по болѣзни. Служитель его Евдокимъ Тимошевъ, явившись въ канцелярію, извѣстилъ присутствіе, что баринъ его лежитъ больнои въ городѣ въ квартирѣ Мещовскаго солдата Ивана Зиновьева. Посланный для освидѣтельствованія Ергольскаго канцеляристъ Алексѣй Семеновъ, осмотрѣвъ при „стороннихъ людяхъ“ (понятыхъ) больнои удостовѣрилъ, что „Григорій Ергольскій подлинно лежитъ въ постели, боленъ *леглою* болѣзнію и отъ той болѣзни весь трясется и лицо все опухло, а при осмотрѣ оный Ергольскій объявилъ ему, что онъ боленъ головою и животною болѣзнію и отъ той болѣзни въ воеводскую канцелярію итти ему никакъ не возможно“.

Къ донесенію кромѣ канцеляриста Семенова „приложили руки“, присутствовавшіе въ качествѣ понятыхъ, города Мещовска Благовѣщенскій попъ Матвѣй, посадскіе Иванъ Барышевъ и Василій Паншинъ и сотскій деревни Перенѣжья, крестьянинъ князя Голицына Козьма Лазаревъ.

Согласно 6-му пункту „формы суда“ болѣзнь одного изъ тяжущихся являлась законною причиною неявки въ судъ. Того-же дня Ергольскій подалъ челобитную, въ которой извѣщалъ, что, будучи не въ силахъ придти на судъ, вѣрить онъ быть вмѣсто себя служителю полковника Дурново—Артемію Бохину.

Поговоря промежь себя, Бохинъ и Лабоденскій судъ отерочили: согласились стать на 9 Октября, обусловивъ: буде кто изъ нихъ на показанный срокъ не станетъ, истецъ иску своего лишень, а отвѣтчикъ и безъ допроса виновать.

9-го Октября истцовъ повѣренный Артеміи Бохинъ и отвѣтчикъ Лабоденскій стали на судъ. Тутъ Бохинъ узнаеть, что еще 29 Сентября Лабоденскій подалъ въ канцелярію встрѣчную челобитную, въ которой, выставя людей и крестьянъ Ергольскаго, „ворами и смертоубійцами“, показывалъ, будто тѣ „похвалялись“ Лабоденскаго, жену его и дѣтей, а также его крестьянъ „бить до смерти“, а домъ его сжечь. Свидѣтелемъ, могущимъ удостовѣрить всѣ эти обвиненія Лабоденскій выставялъ двороваго человѣка Ергольскаго Семена Васильева.

подавая эту челобитную, Лабоденскій преслѣдовалъ двоякую цѣль; первое оттянуть разборъ дѣла объ учиненномъ имъ нападеніи на усадьбу и вторую—арестомъ оговоренныхъ имъ крестьянъ сосѣда нанести ему

вредъ, оторвавъ въ нужное время отъ молотѣбы и другихъ осеннихъ работъ лучшихъ его работниковъ.

Въ отвѣтной челобитной Ергольскій правильно указывалъ, что челобитчикъ „безъ всякаго вида и свидѣтельства“ въ своемъ „лже-составномъ“ челобитѣ его, Ергольскаго, и крестьянъ его „ворами и смертоубійцами“ выставляеть „знатно хотя тѣмъ самымъ закрыть себя отъ многихъ его, Ергольскаго, челобитій и отъ суда отбыть“. Просилъ Ергольскій за крестьянами его и людьми не посылать, а предложить Лабоденскому вѣдаться судомъ и искать „исковымъ прошеніемъ, съ цѣною, чтобы пошлины Ея Императорскаго Величества не уничтожились и отъ такого наглаго нападенія Лабоденскаго люди и крестьяншки его, Ергольскаго, не разбрелись и отъ домовъ своихъ не отстали“.

На судѣ 9-го Октября на всѣ предъявляемыя къ нему обвиненія Лабоденскій отвѣтилъ самымъ наглымъ запырательствомъ:— „Ходилъ-ли 20 Юля на Которецкое поле староста Степанъ Фроловъ или нѣтъ, про то я не знаю—показывалъ онъ:—въ то число ни съ какого умысла я онаго старосту съ людьми своими и съ крестьянами не останавливалъ и ружьемъ и цѣпами безвинно смертно не бивалъ и въ полѣ едва жива при смерти не покидывалъ. Привозили-ли того старосту въ Мещовскъ и осматривали-ли въ канцеляріи боевыя мѣста на немъ, про то мнѣ ничего не вѣдомо. Ко двору Ергольскаго я не приступалъ и не стрѣлялъ, лошади его до смерти колотъ не приказывалъ. Кто ту кобылу закололъ или ненарокомъ сама она въ березникѣ на сукъ напоролась, про то не вѣдаю.

Нисколько не смущаясь, утверждалъ Лабоденскій, что де все показанное въ челобитныхъ Ергольскаго выдумка истца; поклепилъ (оклеветалъ) онъ де его напрасно, „ябеднически, знатно хотя тѣмъ его волочить и изубытчить“.

За выходомъ судейскимъ „улика не окончилась“ и тогда тяжущіеся условились стать для окончанія суда на 15 Октября 1740 года.

На вторичномъ судѣ Бохинъ, „изобличая отвѣтчика“, указывалъ „въ вулику“ ему, что послѣ подачи Ергольскимъ челобитной самъ-же Лабоденскій, будучи въ канцеляріи подушнаго сбора, въ присутствіи капитана Никифора Аванасьевича Лыкова, подъячихъ Семена Тихоновича Смирнова и Емельяна Матвѣевича Панова, посадскаго Петра

Петрова Кобелева и кричалъ дворовому челоувѣку Ергольскаго Евдокиму Тимоееву, что, какъ приступалъ онъ ко двору прапорщика и стрѣлялъ изъ пистолета, цѣлили-де онъ не въ Ергольскаго, а якобы въ него Тимоеева.

На заперательство Лабоденскаго относительно кобылы Бохинъ указывалъ на свидѣтеля на крестьянина деревни Зимницы выборнаго сотскаго Ивана Степанова. Лабоденскій самъ похвалялся ему, что ту гнѣдую кобылу онъ велѣлъ заколоть своимъ крестьянамъ. Не только сотскому Степанову, похвалялся онъ въ томъ-же Мещовскимъ солдатамъ Михаилу Головищеву и Ивану Зиновьеву и крестьянину деревни Хлудневой Семену Борисову.

Отвѣтчикъ остался при прежнихъ своихъ показаніяхъ или вѣрнѣе заперательствахъ. Даже ссылка на такихъ свидѣтелей, какъ должностныя лица воеводской канцеляріи, не внесла ничего новаго въ его оправданія. Они сводились къ голому и бездоказательному отрицанію всѣхъ фактовъ, а поэтому только явнымъ пристрастіемъ состава суда можно объяснить постановленіе его, въ силу котораго окончательный приговоръ опять былъ отсроченъ на неопредѣленное время подъ предлогомъ опроса новыхъ свидѣтелей. Присутствіе воеводской канцеляріи, точнѣе Мещовскій воевода капитанъ Михаилъ Савинъ, явно держалъ сторону Лабоденскаго.

Присутствіе постановило по истцѣ и по отвѣтчикѣ взять поручныя записи, а имъ самимъ предписало до вершенія суднаго дѣла изъ Мещовска не съѣзжать.

Какъ видно, Ергольскій безъ труда нашелъ поручителей за себя. 30-го Октября того-же года сторожъ Мещовской канцеляріи Абрамъ Канунниковъ при доношеніи его поручную записъ сдалъ воеводѣ. Ручались за прапорщика: Мещовскій солдатъ Иванъ Федоровъ Зиновьевъ, Мещовскій разсыльщикъ Степанъ Анисимовъ Чертыгинъ, отставной капралъ Семень Сафроновъ Маховъ и отставной прапорщикъ Осипъ Ивановъ Тѣнинъ. Поручная записъ гласила:

„1740 году Октября 30 дня истца прапорщика Григорія Лукина сына Ергольскаго ручали мы нижеподписавшіеся въ томъ, что истецъ онъ, Ергольскій, на отставномъ каптенармусѣ Артемонѣ Елизарьевичѣ сынѣ Лабоденскомъ въ боѣ старосты его, Ергольскаго, Степана Фролова и заколотою лошади, цѣною въ 10 рублевъ, и въ приступаніи ко двору и въ стрѣлянніи на дворъ его, Ергольскаго, чтобъ ему, Ергольскому,

до вершанія онаго своего дѣла изъ Мещовска безъ указа никуда не съѣзжать и въ канцеляріи являться во всѣ дни, а ежели онъ, Ергольскій, безъ указа изъ Мещовска съѣдетъ и въ канцеляріи являться не будетъ, и онъ иску своего лишень и съ того иску пошлины взять съ его, Ергольскаго, и съ насъ поручиковъ, что надлежитъ“.

Поручной записи за Лабоденскаго въ дѣлѣ не имѣется и, повидимому, она не была взята. Пристрастіе воеводы пошло даже дальше: въ то самое время, какъ по челобитьямъ Ергольскаго производство дѣла было пріостановлено, челобитной Лабоденскаго, поданной 29-го Сентября, несмотря на ея явную ложь, данъ былъ ходъ и оговоренные имъ люди прапорщика потребованы были въ воеводскую канцелярію. Здѣсь умѣстно будетъ напомнить, что въ это-же время, явно причастные къ буйству и насиліямъ безпокойнаго каптенармуса, люди его: Ермилъ Васильевъ, Федотъ Тимоѣевъ, Карпъ Васильевъ, Ермолай Васильевъ, Трофимъ Сазоновъ, Кононъ и другіе по прежнему оставались на свободѣ.

25-го Ноября 1740 года воеводская канцелярія даетъ приказъ Мещовскому отставному капралу Михайлѣ Головищеву ѣхать въ вотчины Ергольскаго въ село Кривское и село Которецъ, взять тамъ оговоренныхъ Лабоденскимъ крестьянъ Ергольскаго и доставить ихъ подъ надежнымъ карауломъ въ Мещовскъ въ воеводскую канцелярію.

Въ спискѣ, переданномъ Головищеву, поименованы были десять дворовыхъ людей и крестьянъ Ергольскаго. Самъ Ергольскій, какъ видно изъ послѣдующаго, уже былъ отпущенъ изъ Мещовска.

Собравъ на пути, согласно инструкціи, достаточное число сотскихъ, пятидесятскихъ, десятскихъ и стороннихъ людей, отставной капраль Головищевъ прибылъ съ ними въ село Кривское на усадьбу Ергольскаго.

Немало изумленный появленіемъ столь неожиданныхъ гостей, Ергольскій вышелъ къ нимъ на крыльцо. Головищевъ предъявилъ ему приказъ воеводы. Прочитавъ бумагу присутствія, Ергольскій отвѣтилъ:

— Своихъ людей и крестьянъ я по первой посылкѣ не дамъ. Буду самъ къ отвѣту Мещовскую канцелярію и тогда указанныхъ людей и крестьянъ всѣхъ поставлю.

Другого отвѣта Головищевъ не добился. Онъ вернулся въ Мещовскъ и о всемъ происшедшемъ донесъ канцеляріи.

Нѣсколько мѣсяцевъ прошло со дня этого посѣщенія въ сельцо Кривское. Опять наступило лѣто, страдная пора. За эти нѣсколько мѣсяцевъ ни Ергольскій, ни Лабоденскій не досаждали Мещовской канцеляріи своими челобитіями. Ергольскій убѣдился, что при нынѣшнемъ Мещовскомъ воеводѣ Савинѣ справедливаго суда ему не дожидаться, а потому представлялось болѣе выгоднымъ дѣло протянуть, а Мещовскій Ноздревъ XVIII-го вѣка, Лабоденскій, довольный тѣмъ, что воевода прижалъ ненавистнаго сосѣда, торжествовалъ свою побѣду.

Всплыло дѣло на поверхность бумажной волокиты опять таки по почину Лабоденскаго. 3-го Іюля 1741 года враждующіе помѣщики встрѣтились въ помѣщеніи воеводской канцеляріи. Не стерпѣвъ Лабоденскій, вступилъ съ сосѣдомъ въ перебранку, а 15-го того же Іюля отставной каптенармусъ подалъ челобитную и въ ней по пунктамъ показалъ:

„Въ прошломъ 1740 году Сентября 29-го дня билъ я челомъ блаженныя и вѣчныя памяти Ея Императорскому Величеству на отставнаго прапорщика Григорія Лукина сына Ергольскаго и на его людей-воровъ (слѣдуетъ рядъ именъ), билъ на нихъ челомъ въ приступаніи ихъ ко двору моему съ огненнымъ ружьемъ, съ фузеями, и съ пистолетами, и съ мушкетами и въ учиненіи многихъ наглыхъ и несносныхъ обидъ и въ стрѣляннн по мнѣ и въ похвальныхъ словахъ, а тако-жъ въ ихъ воровствахъ и смертоубійствахъ. И по тому моему челобитію за показанными людьми и крестьянами Григорія Ергольскаго было послано по наказу. Но токмо онъ, Ергольскій, тѣхъ своихъ людей и крестьянъ не далъ взять посланнымъ и хотѣлъ быть въ Мещовскую канцелярію самъ и вышеписанныхъ людей и крестьянъ поставить. Однако и по сіе число, признавая за ними вину, ихъ не поставилъ, закрывая тѣмъ ихъ явное воровство, понеже и самъ онъ, Ергольскій, оговоренъ отъ крестьянина его Савелія Степанова по дѣлу Степана Васильева сына Яковлева.

Сего Іюля 3-го дня, какъ я съ нимъ, Ергольскимъ, случился въ канцеляріи, избличалъ я его двоекратно и называлъ оговорнымъ воромъ и воровскимъ становщикомъ при многомъ шляхетствѣ и стороннихъ людяхъ, а именно уличалъ его воровствомъ его крестьянина Карпа Алексѣева, объявленнаго вора и разбойника и смертоубійцы, какъ

онный крестьянинъ въ прошломъ 1717 году на рѣчкѣ Неполоди украсть четырехъ лошадей въ вотчинѣ Троицы Дорогошанскаго монастыря въ деревнѣ Каменкахъ и за тѣхъ лошадей, за двухъ заплатилъ деньгами, а за двухъ отдалъ лицомъ, о чемъ подлинно значитъ въ дѣлѣ. А нынѣ похваляются оные его (Ергольскаго) крестьяне, какъ меня именованнаго, такъ и жену мою и дѣтей, и крестьянъ, гдѣ не получа, бить до смерти, отчего я отъ такихъ наглыхъ воровъ и смертоубійць опасенъ жить въ домѣ своемъ“.

Заключалъ Лабоденскій свое челобитіе просьбою послать за Ергольскимъ и его крестьянами, разыскать во всемъ имъ указанномъ и, если при розыскѣ оказалось-бы, что люди Ергольскаго сослались-бы еще и на другихъ крестьянъ его, то и тѣхъ взять къ розыску.

Въ то самое время, какъ Ергольскій въ своихъ челобитіяхъ, обвиняя Лабоденскаго, каждый разъ выставлялъ свидѣтелями стороннихъ людей и даже лицъ изъ состава канцеляріи, Лабоденскій ни разу не указалъ свидѣтелями стороннихъ лицъ, сколько нибудь заслуживающихъ довѣрія, а его ссылки на крестьянъ Ергольскаго, какъ на свидѣтелей, конечно, имѣли одну цѣль: оторвать ихъ отъ работы и тѣмъ нанести новый ущербъ и убытки недругу сосѣду.

Въ доказательство „воровства“ крестьянъ Ергольскаго Лабоденскій ссылается на давнее дѣло объ украденныхъ лошадяхъ, дѣло, къ которому самъ Ергольскій, конечно, не причастенъ. Двадцать три года прошло съ того времени, и все позабыли о немъ, но Лабоденскій выворачиваетъ и это дѣло, такъ какъ это единственный фактъ, достовѣрность котораго могутъ подтвердить свидѣтели.

Несмотря на явную голословность предъявленныхъ обвиненій, воевода Савинъ арестуетъ Ергольскаго. Это было сдѣлано въ явное нарушеніе закона. Ергольскій на арестъ отвѣтилъ челобитной.

„По челобитью Лабоденскаго—указывалъ онъ—нынѣ задержанъ я въ Мещовской канцеляріи и содержусь подъ карауломъ, который мнѣ ставить не подлежитъ. Противъ его, Лабоденскаго, челобитія надлежало намъ дать по формѣ судъ, какъ то правительственные указы повелѣваютъ“. „Посему,—заканчиваетъ онъ свою челобитную,—прошу я и изъ подъ караула меня освободить и до суда за моими людьми и крестьянами въ мою вотчину за лѣтнею рабочею порою не посылать“.

Воевода и самъ понялъ, что, угождая Ергольскому, онъ хватилъ черезъ край. Тѣмъ-же днемъ на челобитной Ергольскаго была положена имъ помѣта: „истцу и отвѣтчику по указу по формѣ суда дать судъ и показаннаго Ергольскаго изъ подъ караула свободить“.

Эта помѣта является заключительнымъ звеномъ длительного тяжба-наго дѣла, одинаково разорвашаго пошлинами и исаца и отвѣтчика.

V. Разгромъ усадьбы Домогацкаго.

8-го Февраля 1732 года въ Козельскую воеводскую канцелярію поступило челобитье отставнаго капитана Василія Никифоровича Домогацкаго. Билъ челомъ отставной капитанъ, что Ноября 21-го дня прошлаго 1731 года „въ небытность его въ дому“, въ ночи, въ Козельскую его вотчину сельцо Звегино*) пріѣхали на лошадахъ въ саняхъ воры и разбойники, человекъ съ тридцать, а можетъ быть и больше, „съ огненнымъ ружьемъ и рогатинами, съ дубьемъ и ножами и оный его домъ разбили и пограбили“. Выбивъ и вырубивъ въ хоромахъ, чуланахъ, амбарахъ и въ прочихъ мѣстахъ, двери, замки и пробои, поломали они сундуки, подголовки и баулы, покололи порубья деревянныя, окованныя желѣзомъ, и простыя. Дворовыхъ его людей мужиковъ и бабъ, его старосту Алексѣя Антипова, выборнаго Самойлу Васильева и крестьянъ, которые тогда на дворѣ были, и сторожей Ѳедота Тимоѣева, Захара Емельянова и Трофима Иванова разбойники били и „мучили смертно“ и, избивъ въ людскихъ (избахъ), связанными оставили. Заваливъ избы бревнами и приставя къ нимъ свой воровской караулъ, ходили они по хоромамъ, чуланамъ, амбарамъ и въ другихъ мѣстахъ съ огнемъ и побрали разные его пожитки и деньги, подрали и пожгли выписи изъ „писцовыхъ“ и „переписныхъ книгъ“ на его земельныя дачи, выписи и купчія на людей и на крестьянъ и всѣ сдѣланныя имъ записи, а также прочія письма.

Изъ тѣхъ воровъ и разбойниковъ—указывалъ Домогацкій—люди его признали четырехъ человекъ. Двое были его бѣглые крестьяне изъ сельца Звегина Козельскаго уѣзда и изъ села Ѳоминичъ Серпейскаго уѣзда—Иванъ и Алексѣй Дмитріевы, а двое крѣпостные капитана Ивана Герасимовича Бражникова изъ сельца Полянъ Серпейскаго уѣзда.

*) Имѣнье это существуетъ и до нынѣ, находясь въ рукахъ Любови Степановны Сабо. П. Б. (младшій).

Разбивъ его домъ и побравъ его деньги и пожитки, разбойники уѣхали, оставивъ на его дворѣ одну изъ своихъ лошадей—мерина свѣтлогнѣдого, да обрonnenое ими покормежное письмо, выданное въ 1731 году крестьянину Исаю Алферову приказчикомъ и старостою помѣщика переяславскаго (Переяславля Залѣскаго) уѣзда Замыцкаго стана села Нагорья лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка маіора Михаила Петровича Салтыкова.

Къ челобитной Додогацкаго приложенъ былъ списокъ пограбленныхъ у него денегъ и вещей.

17-го Февраля того-же 1731 года въ вотчинѣ генерала-фельдмаршала и кавалера графа Якова Виллимовича Брюса въ Козельскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Полѣдовой былъ пойманъ одинъ изъ разбойниковъ, участвовавшихъ въ этомъ грабежѣ.

На допросѣ въ Козельской воеводской канцеляріи разбойникъ, ничего не утаивая, показалъ:

— Родомъ я изъ вотчины Дорогошанскаго монастыря изъ деревни Каменки Мещовскаго уѣзда. Зовутъ меня Ларіономъ Никитинымъ Телѣбиковымъ. Въ прошлыхъ годахъ, лѣтъ тому съ двадцать, а можетъ быть и больше, отданъ я былъ въ рекруты въ городъ Калугу къ наборщику Сергѣю Жданову. Изъ Калуги послали меня въ Москву, но тамъ я не долго пробылъ. Сговорившись съ другимъ рекрутскимъ солдатомъ, Кулешовымъ, бѣжалъ я вмѣстѣ съ нимъ на родину и одну ночь укрывался въ домѣ отца Кулешова въ селѣ Воронинѣ, вотчинѣ Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря. Наутро я отправился въ деревню Каменку, и тамъ около недѣли прожилъ я въ домѣ моей сестры, что замужемъ за крестьяниномъ той деревни Иваномъ Парѣеновымъ. Изъ Каменки пошелъ въ Козельскій уѣздъ въ вотчину генерала-фельдмаршала графа Якова Виллимовича Брюса въ деревню Думничи и прожилъ здѣсь около году изъ-найму. Послѣ того лѣтъ семь стерегъ я тоже по найму стада крестьянъ этой деревни и всѣ они знали, что я бѣглый солдатъ. Изъ деревни Думничи перешелъ я жить въ Трубачевскій уѣздъ на стеклянный заводъ москвича Ивана Короткова и прожилъ здѣсь около трехъ лѣтъ. Года два жилъ я въ Сѣвскомъ уѣздѣ и три года въ вотчинѣ графа Брюса въ деревнѣ Полѣдовой въ Козельскомъ уѣздѣ. Напоследокъ года два пробылъ я на желѣзномъ заводѣ тулянина Никиты Демидова. Работалъ тамъ изъ найму всякую работу.

Въ 1731 году зимою ѣздилъ я вмѣстѣ съ другими заводскими и бѣглыми монастырскими и помѣщичьими крестьянами разбивать домъ капитана Василія Никифоровича Домогацкаго въ вотчину его въ сельцо Звегино. Собралось насъ человѣкъ тридцать, а можетъ быть и больше. Сборъ былъ въ деревнѣ Перновичахъ у крестьянина Перфілія Боровка. Передъ тѣмъ какъ выѣхать на разбой былъ у насъ споръ. Бѣглые крестьяне Домогацкаго Иванъ и Алексѣй Дмитріевы и есаулъ Осипъ Ивановъ кричали, что надо де Домогацкаго изрѣзать въ пирожныя части, а я Ларіонъ, и другіе мои товарищи не соглашались съ ними; говорили имъ, не за что де рѣзать его, надо только пожитки побрать. Атаманомъ у насъ на этомъ разбоѣ былъ бѣглый крестьянинъ помѣщика Лопухина, Ѳедоръ Ѳедотовъ, а есауломъ Осипъ Ивановъ, крестьянинъ сельца Скрышорова. Сказывалъ мнѣ Осипъ на заводѣ, что онъ, бѣгая, имѣетъ пристанище себѣ въ Козельскомъ уѣздѣ въ сельцѣ Скрыповѣ у дяди своего Василія Еремеева.

Указалъ Ларіонъ Телѣбиковъ и другихъ своихъ товарищей, въ числѣ ихъ былъ пришлый изъ села Нагорья Переяславльскаго уѣзда крестьянинъ господина Салтыкова Исая Алферовъ. Этотъ Исай и оброну свой паспортъ въ домъ Домогацкаго, когда громили его усадьбу.

— Какъ пошли мы на разбой—продолжалъ показывать Ларіонъ—имѣли мы сборъ въ деревнѣ Перновичахъ, дневали въ домѣ Перфілія Боровка, а въ сумерки поѣхали на семи лошадяхъ. Вели насъ крестьяне Домогацкаго Иванъ да Алексѣй Дмитріевы. Подвели они къ сельцу Звегину, а тамъ указали ѣхать позадь огорода, по лощинѣ. Какъ подѣхали къ переднимъ воротамъ, есаулъ Осипъ Ивановъ перескочилъ черезъ заборъ и отперъ ворота. Послѣ того стали у конюшни. Перфілій Боровокъ съ другими пошли къ наугольной избѣ, гдѣ были караульщики. Ихъ заперли, оттуда пошли на задній дворъ и тамъ избы въ дверяхъ и по окнамъ колодѣмъ позавалили и тако-жъ мужиковъ и женокъ не выпустили и караулъ къ нимъ свой поставили съ кольями и съ дубьемъ. А ружья съ нами было: 5 рогатинъ, 2 фузеи, да винтовка, а другое оружіе было дубье да колье.

Къ хоромамъ подошли съ передняго крыльца. Дверь въ сѣняхъ вышибли. Алексѣй Дмитріевъ вздулъ на заднемъ дворѣ огонь и принесъ его къ хоромамъ. Тогда отбили двери у хоромъ и стали брать пожитки.

Большая пожива ждала разбойниковъ на усадьбѣ Звегинскаго барина. Много всякаго добра забрали они въ его хороммахъ и въ амба-

рахъ. Перечень этихъ вещей даетъ наглядное представленіе о домашнемъ скарбѣ зажиточнаго помѣщика этого времени.

Деньги Домогацкій хранилъ въ амбарчикѣ и въ горницѣ. Въ амбарчикѣ изъ маленькаго баула, запертаго въ сундукъ, разбойники вынули 29 сотенныхъ запечатанныхъ мѣшковъ мелкихъ денегъ и монетъ и сотенный мѣшокъ червонцевъ. Въ горницѣ они взяли: изъ большого баула 7 сотенныхъ мѣшковъ серебряныхъ денегъ и изъ маленькаго ларчика мѣшокъ съ деньгами—на какую сумму Телѣбиковъ опредѣлить затруднялся.

Серебра и другихъ пожитковъ забрали разбойники на очень изрядную сумму. Вотъ перечень взятыхъ вещей: крышка серебряная, 12 стакановъ серебряныхъ, 3 стакана серебряныхъ большихъ съ крышками, чайникъ серебряный, 24 ложки серебряныхъ, подносъ серебряный, три солонки серебряныхъ, лому серебрянаго фунтовъ шесть, два серебряныхъ креста, съ алмазами (женскихъ), три пары пуговицъ серебряныхъ кафтанныхъ, 24 серебряныхъ винныхъ чашекъ, 5 золотыхъ перстней съ яхонтами и съ алмазами, 6 золотыхъ колецъ, 3 золотыхъ запонки, 3 запонки серебряныя, шпага съ серебрянымъ эфесомъ, 4 золотыхъ серьги съ алмазами, 3 золотыхъ серьги съ яхонтами, табакерка черепаховая съ серебряной оправой, 8 нитокъ крупнаго жемчуга, жемчужныя зарукавья, перло жемчужное, золотыя запоны съ яхонтами, 2 чепца косыхъ низанныхъ жемчугомъ, кафтанъ съ камзолъ и со штанами дикаго цвѣта, обшлага парчевые, петли золотыя, пуговицы тоже золотыя, обшиты камзолъ и кафтанъ золотомъ и подбиты камкою, кафтанъ съ камзолъ суконные дикаго цвѣта, подбитые камлотомъ краснымъ, камзолъ парчевый съ золотыми пуговицами и петлями, обшитый золотомъ и подбитый зеленой камкою, камзолъ свѣтло-лазоревый суконный съ золотымъ позументомъ, подбитый красною камкою, камзолъ суконный красный съ золотымъ позументомъ и серебрянными пуговицами, подбитый стаметомъ краснымъ, двѣ мужскія шапки зеленого бархата съ собольими околышами, шляпа пуховая съ золотыми кистями и съ серебрянной сѣткою, 3 черныхъ галстуха, 5 бѣлыхъ кисейныхъ галстуховъ, 3 пары перчатокъ лосиныхъ шитыхъ золотомъ, аршинъ 8 краснаго сукна, 15 сорочекъ камловыхъ съ холщевыми портами, шлафоръ тафтяной, юбка тафтяная съ серебрянымъ позументомъ, полутьлогрѣйка зеленая рецеповая съ золотымъ позументомъ, кафтанъ штофный жаркій съ травами серебряными съ позументомъ серебрянымъ, юбка жаркая того-же штофа съ серебрянымъ позументомъ, епонечка жаркая штофная съ травами серебряными на собольемъ мѣху, шапка соболья съ бар-

хатнымъ верхомъ, два собольихъ галстуха, четыре парчевыхъ чепца съ серебрянымъ позументомъ и два парчевыхъ серебряныхъ чепца съ золотымъ позументомъ, 3 пары шелковыхъ шитыхъ золотомъ и серебромъ перчатокъ, 6 флеровыхъ платковъ шитыхъ золотомъ, 20 платковъ шелковыхъ китайскихъ одноцвѣтныхъ большого размѣра, да 20 платковъ шелковыхъ разныхъ цвѣтовъ, 30 кошельковъ шитыхъ золотомъ и серебромъ, 20 кошельковъ штофныхъ, 50 платковъ съ нѣмецкими кружевами, 15 сорочекъ камковыхъ, да 10 швабскаго полотна, 2 теплыхъ одѣяла на лисьемъ мѣху крытыхъ рещепомъ, одѣяло тафтяное алое стеганое на бумагѣ подбитой китайкой, 2 тафтяныхъ красныхъ съ позументомъ завѣса, завѣсъ камчатый брусничный, 20 скатертей ткацкихъ, 10 скатертей бранныхъ, 10 простынь рубковыхъ съ кружевами, 20 простынь ивановскаго полотна съ кружевами, 200 холстинъ тонкихъ, 200 салфетокъ тонкихъ, 200 аршинъ сермяжнаго сукна, 4 хомута съ наборомъ мѣднымъ, 4 узды съ мѣднымъ наборомъ, двѣ чушки суконныя васильковыя съ позументомъ золотымъ, 4 копыя, три пары пистолетовъ, да одна винтовка.

Съ конюшни свели разбойники трехъ лучшихъ коней.

Въ реестрѣ, представленномъ Домогацкимъ, показано было пограбленныхъ вещей нѣсколько больше, чѣмъ указалъ Телѣбиковъ: 300 выдѣланныхъ овчинъ, 6 ременныхъ вожжей, 3 пары шоръ съ мѣднымъ наборомъ, 2 мундштука нѣмецкихъ, 4 нѣмецкихъ сѣдла, 2 кожаныхъ чепрака, 5 фузей, 4 палаша съ мѣдными ефесами, 2 бердыша, 8 хомутовъ со шлеями и другіе предметы.

Изъ барскихъ пожитковъ на долю Телѣбикова достались: сотенный мѣшокъ съ серебряными деньгами, серебряный стаканъ, пистолеть, одинъ червонецъ, золотой перстень, двѣ серебряныя пуговицы отъ кафтана, серебряная чашка для вина и флеровый шитый золотомъ платокъ.

Большую часть пограбленныхъ вещей разбойники сбыли на Брынскомъ заводѣ тулянина Никиты Демидова. Купили ихъ мастера того завода Ануфрій Полякъ, Прокофій Петровъ, Герасимъ Ивановъ и Иванъ Соболевъ.

Лошадей, взятыхъ со двора Домогацкаго, угнали въ городъ Почепъ. Показалъ Телѣбиковъ, что на заводѣ Демидова живутъ многіе бѣглые солдаты, работаютъ у него изъ-найма.

Повинился Ларіонъ Телѣбиковъ и въ другомъ своемъ воровскомъ дѣлѣ. Бѣдилъ онъ съ товарищами, а всего ихъ было съ нимъ 19 человекъ, въ Козельскій уѣздъ въ село Упозьево разбивать дьячка Григорія Гречишку. Сборъ у нихъ былъ на заводѣ Демидова. Дорогу указывалъ ихъ товарищъ бѣглый рекрутъ Исай. Какъ пріѣхали они въ село, повелъ ихъ Исай задворками и огородами къ дому дьячка Филата Ларіонова. Время было позднее: такъ около часу ночи. Купили они у дьячка вина на двѣ гривны и спрашивали его:—„дома-ли Гречишка“. Дьячекъ Ларіонъ Филатовъ отвѣтилъ:—„да, въ вечеру былъ онъ дома“.

— Роспивъ вино, показывалъ Ларіонъ Телѣбиковъ—пошли мы разбивать дьячка Гречишку. Забрали у него денегъ рублей четыреста, да платяга разнаго изрядно. Только ту его забранную одеженку, какъ пошли назадъ, побросали на дорогѣ, а деньги подѣлили. Атаманомъ у насъ на томъ разбоѣ былъ крестьянинъ вотчины Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря деревни Перновичей Перфілій Боровокъ.

25-го Мая того-же 1732 года по указу Юстицъ-Коллегіи пойманный разбойникъ отправленъ былъ въ Контору Государственной Юстицъ-Коллегіи. Посланному для поимки и искорененія воровъ и разбойниковъ секундъ-маіору Черниговскаго пѣхотнаго полка Федору Луцевину предписано было произвести по дѣлу разбоя на усадьбѣ Домогацкаго подробное разслѣдованіе. 1-го Сентября того-же года дѣло и арестованный разбойникъ были препровождены къ нему.

На допросѣ 21 Декабря въ застѣнкѣ, подъ пыткой, не стерпя мукъ, Телѣбиковъ оговорилъ новыхъ лицъ, но тутъ-же отказался отъ своихъ словъ и за клевету былъ наказанъ 30-ю ударами плети.

27 Января 1733 года дѣло и пойманный разбойникъ при промеморіи сыскныхъ дѣлъ секундъ-маіора Луцевина отосланы были въ калужскую провинціальную канцелярію, а, годъ спустя, какъ видно изъ донесенія этой канцеляріи сержанта Ивана Омина, разбойникъ Ларіонъ Телѣбиковъ отдалъ Богу душу.

